

Джейн Остен
—
Доводы рассудка

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Jane Austen
PERSUASION

Художественное оформление *Степана Костецкого*

Остен, Джейн.

О-76 Доводы рассудка / Джейн Остен : [перевод с английского Е. Суриц]. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Яркие страницы. Лучшее (мини)).

ISBN 978-5-04-163986-0

Роман, который вышел в свет уже после смерти Джейн Остен в 1817 году. «У каждого есть возможность попытать счастье — во всяком случае, хотя бы раз в жизни — и выйти замуж по любви». Собственно, о том, что любовь должна основываться на взаимном чувстве, а не на расчетах, весь роман. «Доводы рассудка» — это еще и самый автобиографичный роман с яркими характерами, тонким английским юмором — несравненное удовольствие для чтения.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Суриц Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-163986-0

1818

Глава 1

Сэр Уолтер Эллиот из Киллинч-холла в Сомерсете был не такой человек, чтобы собственного удовольствия ради брать в руки другую какую-нибудь книгу, кроме «Книги баронетов». В ней искал он занятий в час досуга и рассеяния в час печали; в ней рассматривал он немногие из древних уцелевших грамот, возносясь духом от восторга и почтения; в ней пропускал он бесчисленные почти имена выскочек минувшего века с жалостью и презрением, легко уводившими его помыслы от обременительных мирских забот; и в ней же, когда уж не помогали все прочие страницы, всегда он мог с живым интересом прочесть собственную историю; на этом месте и открывался обыкновенно любимый том:

«Эллиот из Киллинч-холла.

Уолтер Эллиот, рожденный марта 1 дня 1760 года, сочетался браком июля 5 дня 1784 года с Элизабет, дочерью Джеймса Стивенсона, поместье Саут-парк, что в Глостерском графстве. От каковой супруги (скончавшейся в 1800 году) произвел он на свет Элизабет, рожденную июня 1 дня 1785 года; Энн, рожденную августа 9 дня 1787 года; мертворожденного сына, ноября 5 дня 1789 года; Мэри, рожденную ноября 20 дня 1791 года».

В таком точно виде вышло некогда сие введение из рук печатника; однако сэр Уолтер усовершенствовал его, добавив для собственного сведения и для сведения потомков после года рождения Мэри следующие слова: «Сочеталась браком декабря 16 дня 1810 года с Чарлзом, сыном и наследником Чарлза Мазгроува, поместье Апперкросс, что в Сомерсетском графстве», и присовокупив день и месяц к тому году, когда лишился он супруги.

Далее, как водится, следовала история восхождения древнего и славного семейства; как впервые обосновалось оно в Чешире; как затем обнаружилось в Дагдэйле, подарив округу нескольких шерифов и представителей в трех парламентах кряду, как выказывали сыны его верность короне и обрели баронетское достоинство в первый год правления Карла Второго — с перечислением всех Элизабет и Мэри, которых брали они себе в жены; всё это составляло целых две страницы в осьмушку и заключалось гербом и девизом: «Главное поместье Киллинч-холл», после чего, уже снова рукою сэра Уолтера, было начертано: «Предполагаемый наследник Уильям Уолтер Эллиот, правнук второго сэра Уолтера».

Тщеславие составляло главную черту в натуре сэра Уолтера. Тщеславился он своими качествами и положением. В молодости он был до чрезвычайности хорош собой; и в пятьдесят четыре года черты его еще сохраняли привлекательность. Редко какая красавица так печется о своей свежести, как заботился о ней сэр Уолтер; и едва ли камердинер новоиспеченного лорда может более восхищаться своим положением в обществе. Выше дара красоты

ставил сэр Уолтер единственно благословение баронетства; а счастливо сочетая оба эти преимущества, и был он постоянным предметом собственного искреннего преклонения и преданности.

Благообразие его и титул вполне, однако, стоили такой признательности, ибо не иначе как благодаря им и обзавелся он супругой, с которой решительно не мог бы состязаться прочими своими качествами.

Леди Эллиот была в самом деле женщина необыкновенная по уму и сердцу; ее поступки и суждения, кроме разве юной ветрености, превратившей ее однажды в леди Эллиот, никогда потом не нуждались в оправданиях. Она скрывала, ублажала и умеряла его слабости и пестовала то, что находила в нем достойного, целых семнадцать лет; и хотя самое ее нельзя было назвать счастливейшей женщиной, домашние заботы, дети и обязанности дружбы привязывали ее к жизни, и потому ей жаль было с нею расстаться, когда пришлось их оставить. Нелегко матери завещать в наследство трех дочерей, из которых старшим шестнадцать и четырнадцать лет; подлинное наказание передавать их руководству и попечениям глупого, суетного родителя. Но была у нее подруга, умная и достойная женщина, по нежной к ней любви поселившаяся в деревне Киллинч; и на нее и полагала все надежды леди Эллиот, зная, что советом и доброю та поможет дочерям исполнить последние ее горькие наставления.

Подруга эта и сэр Уолтер, однако, не сочетались браком, обманывая все ожидания знакомцев. Тринадцать лет минули со дня кончины леди Эл-

лиот, а они все оставались душевные друзья и близкие соседи; и она по-прежнему была вдова, а он вдовец.

То, что леди Рассел, при ее степенных летах и характере, и к тому же со средствами, не спешила связать себя новыми узами, не нуждается в оправданиях перед публикой, ибо женщина почему-то вызывает ее недовольство не тогда, когда воздерживается от повторного брака, а совершенно даже напротив. Упорное же вдовство сэра Уолтера, кажется, потребует объяснений. Да будет, однако, известно, что сэр Уолтер, преданный отец (после нескольких тайных разочарований, связанных с весьма необдуманными ходатайствами), гордился тем, что не женится ради милых своих дочерей. Ради одной дочери, самой старшей, он и в самом деле готов был отказаться положительно от всего, чего только самому бы ему не очень хотелось. В шестнадцать лет Элизабет наследовала, сколько возможно, все права и влияние своей матери; а коль скоро была она хороша собой и вся в него, то он всегда к ней и прислушивался и они жили душа в душу. Двух других дочерей он куда менее жаловал. Мэри, правда, еще приобрела некоторый вес, сделавшись миссис Мазгроув; но Энн, которая прелестью ума и тонким складом души легко бы завоевала самое глубокое уважение судей понимающих, в глазах отца и сестрицы была совершенное ничто. Ее сужденья не спрашивали, с ее желаньем не считались — она была всего-навсего Энн — и только.

Зато для леди Рассел она была самой дорогой крестницей, любимицей и другом. Леди Рассел

любила всех сестер; но только в Энн видела она словно ожившие черты покойной матери.

Всего несколько лет назад Энн Эллиот была прехорошенькая, но красота ее рано поблекла; и если даже в ее зените отец находил в дочери мало привлекательного (столь несхожи были ее милые черты и кроткие темные глаза с его собственными), то теперь, когда она сделалась худая и бледная, он и вовсе не ставил ее ни во что. Он и прежде не очень рассчитывал, а теперь потерял и последнюю надежду когда-нибудь прочесть ее имя на другой странице любимого сочинения. Только Элизабет могла еще поддержать честь рода; Мэри — та просто связала себя со старинной помещицьею семьей, почтенной и богатой, стало быть, им оказавши честь, а себе не приобретя никакой. А уж Элизабет рано или поздно найдет себе мужа под пару.

Бывает иногда, что женщина в двадцать девять лет даже прекрасней, нежели была она десятью годами ранее, и, вообще говоря, если не вмешались болезнь и забота, это далеко еще не возраст увядания. Так было с Элизабет; всё та же красавица Элизабет, какой узнали ее тринадцать лет назад; а потому и стоит простить сэра Уолтера, забывавшего ее годы, и, уж во всяком случае, не судить его слишком строго за то, что себя и Элизабет он почитал цветущими, как прежде, в то время как все вокруг теряли всякое благообразие; а ведь он явственно замечал, как стареются знакомые и родные. Энн отошала, Мэри огрубела, подурнели все ближние; и ужасно неприятно было ему видеть эти гусиные лапки вокруг глаз у леди Рассел.

Элизабет не в полной мере разделяла безмятежность отца. Тринадцать лет она была хозяйкой Киллинч-холла, управляя и властвуя с самообладанием и твердостью, какие никого б не навели на мысль о том, что она моложе своих лет. Тринадцать лет она отдавала распоряженья, издавала домашние законы, первая шла к карете и тотчас следом за леди Рассел выходила из любой гостиной или столовой в округе. Тринадцать раз рождественский мороз был свидетелем того, как открывала она редкие в сем пустынном краю балы; и тринадцать весен кряду оставляла она цветущие сады ради обольщений большого света, отправляясь с отцом на несколько недель в Лондон. Все это она хорошо помнила; она не забывала, что ей двадцать девять лет, и это чуть-чуть тревожило ее и чуть-чуть огорчало. Она хороша, как прежде, вот и прекрасно, но близился опасный срок, и ей бы уж хотелось наконец знать наверное, что через год-другой она увидит у своих ног благородного искателя с баронетской кровью в жилах; тогда-то сможет она снова взять в руки книгу книг с той же радостью, что и в нежные юные годы; покамест же она к ней охладела. Вечно видеть себя с этой датой рождения и ни с чем более, а дату замужества находить только после даты рождения младшей сестрицы — это хоть кому надоест. И не раз, когда отец забывал любимый том открытым на столике рядом с нею, она, отведа глаза, отодвигала его прочь.

Вдобавок ей пришлось пережить разочарование, о котором книга, и в особенности история собственного ее семейства, постоянно ей напоминала. Предполагаемый наследник, тот самый Уильям

Уолтер Эллиот, чьи права так великодушно под-черкивал сэр Уолтер, — он-то ее и разочаровал.

Совсем молоденькой девушкой она узнала, что в случае, если у нее не будет брата, Уильям Уолтер сделается баронетом, и решила, что ей нет никакой причины не выйти за него замуж. Сэр Уолтер всегда находил это решение как нельзя более разумным. Они не знали его мальчиком, но вскоре после смерти леди Эллиот сэр Уолтер стал искать с ним знакомства и, хотя не встретил никакого отклика, настойчиво продолжал старанья, снисходя к очевидной робости, столь извинительной в молодом человеке; и в один из наездов их в Лондон, когда Элизабет была еще в первом цвете юности, мистеру Эллиоту довелось наконец им представиться. Был он тогда совсем молод и погружен в изучение права; Элизабет нашла, что он очень мил, и укрепилась в своих намерениях. Его пригласили в Киллинчхолл. Его ждали, о нем толковали потом целый год; он не явился. Следующей весной он опять был встречен в Лондоне, снова сочтен очень милым, снова обласкан, приглашен; снова его ждали; и снова он не явился, и следующее о нем известие уже было, что он женат. Счастливую судьбу, предначертанную ему как наследнику дома Эллиотов, он променял на купленную независимость, связавши себя с богатой женщиной более низкого рожденья.

Сэр Уолтер обиделся. Как глава рода, он полагал, что у него бы можно спросить совета, после того особенно, как он не раз достаивал молодого человека на людях своим вниманием. Ибо их могли видеть, указывал сэр Уолтер, однажды в Таттерсоллз и дважды в кулуарах Палаты общин. Сэр

Уолтер высказал свое неодобрение; однако ж действия оно не возымело. Мистер Эллиот и не подумал извиниться; и в дальнейшем отсутствие знаков внимания к нему со стороны семейства огорчало его в столь же малой мере, в какой, по мнению сэра Уолтера, он и был их достоин. Всякое знакомство было прекращено.

Ужасно неприятная история эта еще и теперь, после многих лет, возмущала Элизабет, которой мистер Эллиот нравился и сам по себе, и особенно как отцовский наследник, в ком одном, с ее безупречной фамильной гордостью, усматривала она подходящую партию для старшей дочери сэра Уолтера Эллиота. Ни одного другого баронета от первой и до последней буквы алфавита сердце ее с такой готовностью не признавало за ровню. Но он повел себя до того низко, что и теперь (в 1814 году), нося черную повязку в знак траура по его супруге, она не могла его снова счесть достойным своих мыслей. Позор первого брака еще бы можно простить, тем более что, судя по всему, он не был увековечен наследником, не позволяй себе мистер Эллиот нечто более предосудительное; он, однако ж, как любезно доносили им добрые друзья, говорил о них безо всякого почтения, с легкомысленным небреженьем отзываясь о собственном своем роде и о чести, которая в дальнейшем назначалась ему самому. А уж это непростительно.

Таковы были мысли и соображения Элизабет Эллиот; такие заботы омрачали, такие волнения разнообразили неизменную, блистательную, благополучную и пустую жизнь ее; такие чувства украшали долгое, ровное течение сельского досуга, ибо

у нее не было ни привычки отдавать его на служенье ближним, ни талантов и занятий увлекательных, которые отнимали бы его.

Но вот уму ее представилось вдруг новое отвлечение. Отца стали одолевать денежные заботы. Она знала, что теперь он берется за «Книгу баронетов», чтобы увести свои помыслы от избыточных счетов и пренеприятнейших намеков мистера Шеперда, своего поверенного. Киллинч был хорошее поместье, однако ж не вполне отвечал понятиям сэра Уолтера об образе жизни, приличном его владельцу. Покуда жива была леди Эллиот, хозяйственная опытность ее и умеренность удерживали сэра Уолтера в границах его дохода; но вместе с нею ушло и благоразумие, и ныне сэр Уолтер неизменно тратил более, нежели предполагал его доход. Меньше решительно нельзя и было ему тратить; он позволял себе лишь то, что неукоснительно требовалось для сэра Уолтера Эллиота; и, хотя упрекнуть его положительно мы не вправе, он не только все более погрязал в долгах, но так часто принужден был о них слышать, что сделалось наконец невозможно и долее утаивать их от дочери. Он мягко намекнул ей о них прошедшей весною в Лондоне; дошел даже и до того, что сказал: «Не сократить ли нам расходы? Как ты полагаешь, нельзя ли нам хотя бы в чем-нибудь их урезать?» И Элизабет, надобно ей отдать должное, в первом порыве нежной женской отзывчивости, тотчас усердно задумалась над его словами и предложила в конце концов две статьи экономии: отказаться от глупой благотворительности и покамест не обставлять гостиную заново; и уж потом только пришла ей в голову новая счастливая

мысль: не везти на сей раз из Лондона подарка для Энн, как повелось было у них ежегодно. Но мер этих, при всей их разумности, недостаточно было для предотвращения зла, которое сэр Уолтер принужден был вскоре открыть перед нею полностью. Элизабет, однако, не могла уже предложить ничего более действенного. Она полагала себя несчастной и обойденной, как и отец ее; и ни один из них не видел способа ограничить расходы, не роняя при этом достоинства и непосильно не жертвуя собственными удовольствиями.

Сэр Уолтер мог свободно располагать лишь незначительной частью имения; но будь он даже и вправе расточить его все до последнего акра, это ничего бы не переменяло. Он снизошел до того, чтобы кое-что заложить, но никогда бы не мог он снизойти до продажи. Нет, он не мог порочить так свое имя. Киллинч-холл должен был достаться потомству единым и нераздельным, каким он некогда перешел к нему самому.

Два доверенных лица, мистер Шеперд, живший в ближнем городке, и леди Рассел, были призваны для совета; и от них отец и дочь ожидали решения, как им избавиться от неприятностей и уменьшить траты, не вредя ни вкусу, ни чести.

Глава 2

Будучи адвокатом осмотрительным и осторожным, мистер Шеперд, как бы ни относился он к сэру Уолтеру, предпочитал, чтобы кто-то другой навлекал его недовольство, а потому и просил уволить его даже от самомалейшего намека, советовал

всю надежду положить на безошибочную мудрость леди Рассел и вполне ожидал от ее здравого смысла тех именно важных мер, которые и находил единственно верными.

Леди Рассел приняла дело близко к сердцу и долго над ним билась. Суждения ее и всегда отличались более здравостью, нежели скоростью, а на сей раз она особенно затруднялась из-за неразрешимого как будто противоречия. Сама она была женщина с чистым сердцем и чувством чести очень точным. Но она так боялась задеть сэра Уолтера, так пеклась о репутации его семейства, мерила потребности его по такой аристократической мерке, как только и можно было ожидать от особы, наделенной столь высокой душой. Она была благожелательная, сердечная и добрая женщина, способная к прочным привязанностям, правил самых строгих, жизни безупречной, и манеры ее почитались образцом благородного воспитания. Она имела изощренный ум и была, вообще говоря, тверда и незыблема, но питала маленькую слабость к родословным и, ценя породу и сан, не замечала иной раз пороков тех, кто ими обладает. Будучи вдовой всего только личного дворянина, она очень отдавала должное баронетству; и сэр Уолтер, не только на правах старого знакомца, внимательного соседа, всегда готового к услугам, мужа ближайшей ее подруги, отца Энн и ее сестер, но уже по одному тому, что был сэром Уолтером, заслуживал в глазах ее самого горячего участия и сочувствия к нынешним своим заботам.

Следовало сократить расходы; в этом не оставалось сомнений. Однако как тут поступить, помень-

ше ущемляя его и Элизабет? Она набрасывала планы экономии, пускалась в подробные выкладки, и вдобавок, сделавши то, о чем не догадывались другие, она посоветовалась с Энн, которой мнение больше никому не казалось идущим к делу. Посоветовалась и, во многом согласившись, составила план сокращения расходов, представленный затем на рассмотрение сэру Уолтеру. Все исправления Энн были в пользу благородства и против тщеславия. Она добивалась мер более крутых, обновления более полного, скорейшего избавления от долгов и более высокого безразличия ко всему, кроме справедливости.

— Уговорить бы твоего отца, — сказала леди Рассел, пробегая глазами бумагу, — все и уладится. Только б он согласился, и за семь лет он выплатит все сполна; и, надеюсь, нам удастся убедить его и Элизабет, что добрая слава Киллинч-холла от скромности не пострадает; что истинного достоинства сэра Уолтера Эллиота в глазах людей разумных ничуть не убудет, если он себя выкажет человеком с правилами. Да и что ему еще остается, как не то, что уже сделали многие из знатнейших наших семейств, да и другим пора бы? В его случае ничего нет необычного; а ведь именно страх показаться необычным так часто заставляя нас страдать или толкает на глупости. Я от души надеюсь, что он не станет упираться. За него нужно взяться с решительностью; в конце концов, раз уж ты нажил долги, ты их и плати; и хоть, конечно, чувства джентльмена и отца семейства многого стоят, еще большего стоит репутация человека благородного.

Энн считала, что отец должен руководиться сим правилом и друзья должны ему это растолковать. Она почитала непрременной обязанностью удовлетворить кредиторов со всей возможной скоростью, какой только можно добиться с помощью разумных ограничений, и ни о чем другом и думать не могла. Все помыслы ее сосредоточились на этой идее. В благотворное влияние леди Рассел она верила безусловно, что же до суровых ограничений, каких требовала собственная ее совесть, она думала, что добиться основательных перемен будет немногим труднее, чем перемен пустячных. Зная отца и Элизабет, она догадывалась, что лишиться пары лошадей им едва ли было бы легче, чем оказаться вовсе без выезда, и прочее в том же роде касательно всего списка леди Рассел.

Как могли быть приняты более строгие требования Энн, впрочем, не особенно важно. Советы леди Рассел не имели никакого успеха, были сочтены невозможными, несносными. Что? Отказаться от всех радостей жизни? Путешествия, Лондон, слуги, лошади, стол — во всем утесниться, ужаться! Пристала ль такая жизнь даже самому захудалому дворянину! Нет, лучше уж сразу покинуть Киллинч-холл, чем прозябать тут на таких позорных условиях!

«Покинуть Киллинч-холл».

Мысль эту тотчас подхватил мистер Шеперд, которого отчасти касалось лично решение сэра Уолтера сократить расходы и который был совершенно убежден, что никаких ограничений не добиться без перемены места. «Раз уж сэру Уолтеру первому пришло это в голову, — сказал он, — он со

своей стороны может лишь от души советовать ту же меру. Едва ли удобно сэру Уолтеру вводить новые порядки в своем доме, где так утвердилось хлебосольство и милый старинный обычай. В любом же прочем месте сэр Уолтер волен поступать как знает; все так и решат, что он ищет самого разумного употребления своим средствам, какой бы образ жизни он ни избрал».

Итак, сэру Уолтеру следовало покинуть Киллинч-холл. И после недели колебаний и сомнений был наконец разрешен роковой вопрос, где же именно обосноваться, и намечен первый очерк великих преобразований.

Были на выбор три возможности — Лондон, Бат или снова сельский дом, но другой. Энн всем сердцем стремилась к последнему. Небольшой домик где-нибудь по соседству, чтобы леди Рассел оставалась под боком, и Мэри не вдали, и можно видеть иногда киллинчские луга и рощи, — больше ничего ей не надо было. Но судьба Энн и на сей раз сыграла обычную свою шутку, подсунув ей нечто обратное ее устремленьям. Бат был противен ей и, она даже считала, вреден. Там и предстояло ей поселиться.

Сэр Уолтер склонялся было к Лондону, но мистер Шеперд догадался, что в Лондоне утратит он свое влияние, и умел отговорить сэра Уолтера от его затеи, присоветовав Бат. Там ему будет куда легче соблюсти достоинство в нынешнем его затруднении; с затратами, самыми скромными, займет он должное положение в обществе. Два довода в пользу Бата против Лондона были взвешены, разумеется: он ближе к Киллинчу, всего в пятидесяти

милях, и леди Рассел всякий год проводит там чуть не всю зиму; и, к великому удовольствию леди Рассел, с самого начала облюбовавшей для них Бат, сэр Уолтер и Элизабет поверили, что там они не уронят себя и жизнь их нимало не потеряет приятности.

Леди Рассел сочла своим долгом пойти против желания милого своего друга Энн. Ожидать, что сэр Уолтер снизойдет до маленького домика по соседству, было бы уже слишком. Энн попросту не понимала, какую горечь пришлось бы притом испытать даже и ей самой, а уж сэр Уолтер страдал бы безмерно. Что же до нелюбви к Бату, она ее почитала заблуждением Энн, вызванным, во-первых, тем, что в Бате Энн ходила в школу целых три года сразу после смерти матери, и, во-вторых, тем, что единственной зимой, которую она потом провела там вдвоем с леди Рассел, она была в дурном расположении духа.

Одним словом, леди Рассел любила Бат и находила, что все будет прекрасно; здоровью же милого ее друга Энн ничто не грозит, ибо на летние месяцы Киллинч-лодж остается к ее услугам; перемена ей только прибавит здоровья и веселости. Энн не выезжает, она никого не видит. Она приуныла. Общество ее ободрит. Леди Рассел хотела, чтоб круг знакомств ее расширился.

Жить в другом доме по соседству было для сэра Уолтера невысказано еще и по другой причине, причине весьма существенной и с самого начала счастливо предусмотренной общим замыслом. Ему пришлось бы не только покинуть дом, но и видеть его в чужих руках; испытание мужества, неснос-

ное и для сердец более стойких; Киллинч-холл решили сдать внаймы. Это, однако, хранилось в тайне; не дай бог, чтоб проведал кто из посторонних.

Сэр Уолтер не снес бы унижения, когда б в округе узнали о его расчетах касательно Киллинч-холла. Мистер Шеперд уже как-то обмолвился об «объявлении»; второй раз затевать этот разговор он не решался. Сэр Уолтер ни о чем таком и слушать не хотел; запрещал даже самомалейший намек о якобы имевшихся у него на этот счет видах; и, лишь ожидая, что его вдруг умолит какой-то неотвязный ходатай, на собственных его условиях и как о великой милости, предполагал он вообще сдать дом внаймы.

Как скоро нам на помощь приходят доводы рассудка, если нам чего-то хочется. У леди Рассел под рукой оказался еще один веский довод, почему сэру Уолтеру с семейством необходимо переселиться. Элизабет завела недавно дружбу, которую леди Рассел предпочла бы видеть прерванной. Она близко сошлась с дочерью мистера Шеперда, воротившейся после несчастливого замужества под отчий кров, да еще с двумя детишками. То была неглупая юная особа, владевшая искусством нравиться, во всяком случае, она умела понравиться в Киллинч-холле и так вошла в доверие к мисс Эллиот, что уже не раз у ней гостила, вопреки всем предостережениям леди Рассел, находившей эту дружбу неуместной.

Леди Рассел не имела, надо признаться, никакого влияния на Элизабет и любила ее, кажется, просто оттого, что хотела любить, а не то чтобы Элизабет стоила ее любви. У Элизабет не встречала

она ничего, кроме обычной учтивости и знаков внимания самых поверхностных; никогда и ни в чем не могла она уговорить Элизабет, а тем паче переубедить. Не раз хлопотала она о том, чтобы Энн не бросала одну в Киллинг-холле, а брали вместе с собою, когда отправлялись гостить в Лондон, превосходно понимая всю несправедливость и незаслуженность такого неравенства; да и в менее важных случаях ей нередко удавалось прекрасно показать Элизабет более тонкое знание света и верность суждений. Все, однако же, без толку. Элизабет всегда решала по-своему. Но ни в чем и никогда она еще так не упрячилась и не противилась леди Рассел, как в своем пристрастии к миссис Клэй; и отклоняла общество такой достойной сестры, всей дружбой и доверенностью даря особу, с которой надлежало б ей быть просто вежливой, но и только.

Миссис Клэй по положению своему была, в глазах леди Рассел, не ровня Элизабет, а по своему нраву могла оказать на нее самое вредоносное влияние. А потому уехать от нее подальше, с тем чтоб расширить круг знакомства и встретить подруг, более достойных мисс Эллиот, было делом первостепенной важности.

Глава 3

— **П**озволю себе заметить, сэр Уолтер, — сказал мистер Шеперд как-то утром в Киллинг-холле, отстраняя прочитанную газету, — что дела складываются для нас как нельзя лучше. Это заключение мира всех наших богатых морских

офицеров погонит на сушу. И всем понадобится жилье. Лучшего времени и не придумать, сэр Уолтер, — сколько съемщиков, и прекраснейших съемщиков. За время войны составилось не одно почтенное состояние. Попадись нам только богатый адмирал, сэр Уолтер...

— И ему бы очень повезло, Шеперд, — отвечал сэр Уолтер, — вот все, что я могу сказать. Киллинч-холл для него находка, просто награда; выше награды и на войне он не получал, а, Шеперд?

Мистер Шеперд улыбнулся, как водится, сей острой шутке и продолжал:

— Осмелюсь доложить, сэр Уолтер, с господами флотскими дела иметь неплохо. Мне случалось с ними встречаться на деловой стезе, и, решусь заметить, понятия у них самые благородные, и я не вижу причины, почему бы им не быть хорошими съемщиками. И стало быть, сэр Уолтер, прошу меня извинить, но если вследствие распространения слухов о намерениях ваших, каковой возможности исключать не следует, ибо мы знаем, сколь трудно укрыть поступки и чаяния одной части человечества от наблюдательности и любопытства другой, и следствия эти непременно должно учитывать — я, Джон Шеперд, могу утаить обстоятельства семейственные от всякого, кто удостоит ко мне прибегнуть, но на сэра Уолтера Эллиота обращены взоры, от которых нелегко будет укрыться, — а потому, беру на себя смелость доложить, меня не очень удивит, если, при всех мерах наших, истинные побуждения ваши выйдут наружу, а в таком разе, как уже решался я заметить, коль скоро неизбежно воспоследуют предложения, то я бы

и счел за благо отнестись со вниманием к любому из богатых морских офицеров, и смею присовокупить с вашего позволения, что прибуду не более чем через два часа, дабы избавить вас от труда вести переговоры.

Сэр Уолтер только кивал. Но вскоре он поднялся, стал ходить из угла в угол по комнате и заметил с горечью:

— Думаю, редко кто из флотских не удивился бы, оказись он в таком доме.

— О, без сомнения, они будут оглядываться вокруг, благословляя судьбу, — сказала миссис К्लэй, ибо здесь же была и миссис К्लэй; отец захватил ее с собою, поскольку вольный воздух Киллинча для здоровья миссис К्लэй был как нельзя более полезен, — но я согласна с отцом, из флотских съемщики самые лучшие. Я знаю этих людей. Мало того что благородны, на них во всем можно положиться! К примеру, о ваших драгоценных картинах, сэр Уолтер, если вы решитесь их оставить, вы можете ничуть не тревожиться! За домом и парком будут ухаживать со всею тщательностью. Сады и кустарники соблюдут в порядке, почти таком же безупречном, в каком у вас они содержатся. Вы можете не опасаться, мисс Эллиот, что найдете запущенными прелестные ваши цветники.

— То-то и оно, — холодно возразил сэр Уолтер, — если даже я и решусь сдавать дом внаймы, я вовсе еще не знаю, на каких условиях. Я не очень расположен баловать съемщика. Разумеется, пусть его гуляет по парку, и мало кто из морских офицеров, или кому еще он достанется, привычен к эдаким просторам; но в какие границы я намерен его

поставить, это уж мое дело. Не очень-то мне нравится, чтоб мои кустарники топтали, когда не лень; а мисс Эллиот я бы советовал позаботиться о сохранности цветников. Уж поверьте, я вовсе не расположен оказывать особенное благоволение съемщику Киллинч-холла, будь то моряк или солдат.

Немного помолчав, мистер Шеперд позволил себе заметить:

— Все это предусмотрено установленным обычаем, чтобы хозяин и съемщик могли легко и просто поладить. Ваши интересы, сэр Уолтер, в надежных руках. Положитесь на меня, и никакому съемщику не достанется ничего сверх законных его прав. Смею надеяться, что сэр Уолтер Эллиот не мог бы ревнивее заботиться о своей собственности, чем заботится о ней Джон Шеперд.

Тогда заговорила Энн:

— Я думаю, моряки тем, что они для нас сделали, хотя бы уж не меньше других заслуживают приятностей и удобств, какие может доставить всякий дом. Нелегко им достается отдых, в этом все мы согласимся.

— Весьма, весьма верно. Мисс Энн весьма верно изволит судить, — отозвался мистер Шеперд.

— О! Бесспорно, — подтвердила и дочь его.

Но сэр Уолтер, помолчав, заметил:

— Поприще не без полезности, но не хотел бы я, чтобы кто-то из моих друзей его избрал.

— Отчего же! — был ему ответ, сопровождаемый взором изумления.

— Да вот отчего; тут две вещи есть для меня не-носные; два основательных довода я имею против этого поприща; во-первых, люди темного происхож-

дения добиваются на нем незаслуженных отличий и почестей, о которых отцы их и праотцы не смели и мечтать; а во-вторых, оно нещадно отнимает у человека юность и силы; моряки старятся быстрее прочих; я всю жизнь это замечаю. Во флоте, как нигде, человек подвергается опасности увидеть оскорбительное возвышение того, с чьим отцом отец его и заговорить бы не удостоил; или стать прежде времени самому отвратительным для чужих взоров. Как-то прошедшею весной в городе был я в обществе двоих господ, красочно доказывающих все то, о чем я здесь толкую. Один был лорд Сент-Ивс, которого отец, все мы знаем, был деревенский служка без гроша за душою; и вот я принужден был уступить свое место этому самому лорду Сент-Ивсу, да еще адмиралу Болдуину, господину невообразимого вида; лицо у него красное, как кирпич, грубое до последней крайности, все в рытвинах и морщинах, на голове по бокам три седых волоска, а макушка и вовсе голая и присыпана пудрой. «Господи боже, да кто этот старикашка?» — справился я у стоявшего рядом со мною приятеля моего (сэра Бэзила Морли). «Старикашка! — удивился сэра Бэзил. — Да ведь это адмирал Болдуин. И сколько же, вы полагаете, ему лет?» — «Шестьдесят, — сказал я. — Ну, шестьдесят два». — «Сорок, — отвечал мне сэра Бэзил, — сорок, и ни годом более». Вообразите сами мое изумление; нет, адмирала Болдуина я вовек не забуду. Еще не видывал я более разительного примера тому, что с человеком делает стихия; но, вообще говоря, такова же их общая участь; всех их носит по свету, бьют ветры, палит жара, покуда на них не сделается

тошно смотреть. Лучше уж им сразу погибнуть, чем доживать до таких лет, как адмирал Болдуин.

— Ах, сэр Уолтер, — вскричала миссис Клэй, — слишком вы строги! Пожалейте бедняжек. Не всем же быть красивыми. Ясное дело, море никого не украсит; моряки рано старятся, я сама замечала; они рано теряют цвет юности. Но не то же ли происходит с людьми и на других поприщах, и даже почти на всех? Солдатам в военной службе не легче приходится; да и в трудах более спокойных, где напрягается не тело, но ум, бодрый вид редко сохраняется так долго, как было задумано природой. Судейский корпит над бумагами, не зная сна; лекаря поднимают с постели в любой час ночи и гонят в ненастье; и даже священник... — с минуту она размышляла над участью священника, — и даже священник, знаете ли, принужден входить к опасным больным, подвергая опасности здоровье свое и внешность в зараженной атмосфере. Нет, я решительно убеждена, хоть каждое поприще почтенно и необходимо, лишь тот, кто не должен ни на какое вступать, кто может жить в свое удовольствие, на вольном воздухе, в деревне, вставать когда вздумается, делать что угодно, имеет независимые средства и не лезет из кожи вон, чтобы их умножить, — лишь тот, я говорю, сохраняет здоровье и бодрый вид до последнего; а уж остальные все сразу теряют привлекательность, как только юность миновала.

Можно полагать, что, с таким рвением склоняя сэра Уолтера в пользу морского офицера в качестве съемщика, мистер Шеперд наделен был даром предвиденья; ибо первые же притязания на дом заявил адмирал Крофт, с которым мистер Шеперд

очень скоро затем повстречался на квартальном заседании в Тонтоне; кстати же он успел и понаведаться о нем через своего лондонского знакомого. Согласно сведениям, полученным мистером Шепердом, которые и поспешил он сообщить в Киллинч, адмирал Крофт был уроженец Сомерсетского графства и, сколотив изрядное состояние, желал обосноваться в родных краях, чего ради и прибыл в Тонтон, дабы присмотреть кое-что, предлагаемое внаймы в ближайшем соседстве; однако ж ничем не остался доволен; совершенно случайно услышав (в точности как он и предсказывал, заметил мистер Шеперд, планы сэра Уолтера не могли не выйти наружу), совершенно случайно услышав о том, что Киллинч-холл, может статься, будет сдан внаймы, и узнав об отношениях его (мистера Шеперда) к владельцу, он и представился ему с целью как следует расспросить и во время долгой беседы выказывал столь серьезные намерения относительно Киллинч-холла, какие только и могли быть у человека, покамест не имевшего удовольствия видеть его своими глазами; рассказав же о себе, произвел он на мистера Шеперда впечатление человека ответственного и как нельзя более достойного быть съемщиком в Киллинч-холле.

— И кто он такой, этот адмирал Крофт? — сухо осведомился сэр Уолтер.

Мистер Шеперд отвечал, что адмирал из благородной семьи, и назвал поместье. Установилось молчание, потом Энн сказала:

— Он контр-адмирал в военном флоте. Был в битве при Трафальгаре и отправился затем в Ост-Индию; много лет там, кажется, прослужил.

— В таком случае не сомневаюсь, — заметил сэр Уолтер, — что лицо у него оранжевое, как отвороты и плащи моих слуг.

Мистер Шеперд поспешил его заверить, что адмирал Крофт свеж и бодр, и притом весьма приятной наружности; закаленный бурями, разумеется, но и только; по всем понятиям и обращенью истинный джентльмен; с ним, разумеется, без малейшего труда можно договориться; он хочет иметь хороший дом, и как можно скорее; прекрасно понимает, что за свои удобства надобно платить; представляет себе примерную цену; не удивится, буде сэр Уолтер запросит и более; про поместье расспрашивал; был бы польщен, если б отрядили к нему депутацию, но на этом не настаивает; сказал, что иной раз брался за оружие, но никогда не убивал; истинный джентльмен.

Мистер Шеперд был весьма красноречив; подчеркнул обстоятельства семейственной жизни адмирала, придававшие ему, как съемщику, еще новые достоинства. Он был женат. Бездетен. Чего же лучше? Дом не содержится в порядке, это не раз замечал мистер Шеперд, если в нем нет хозяйки; неизвестно, не более ли страдает мебель, когда в доме нет хозяйки, чем когда в нем множество детей. Леди, не обремененная детьми, — сохранит мебель лучше всех на свете. Он познакомился и с миссис Крофт; она была в Тонтоне вместе с адмиралом и участвовала почти во всей их беседе.

— Дама она, кажется, весьма тонкая и умная, — продолжал мистер Шеперд, — больше задавала вопросов касательно до парка, условий, налогов, не жели сам адмирал, и выказала лучшее знакомство

с предметом. И к тому же, сэр Уолтер, она здесь не вовсе чужая, связана с нашими краями больше самого адмирала; то есть она сестра того джентльмена, который когда-то жил среди нас; она сама сказала: сестра джентльмена, который несколько лет назад жил в Манкфорде. Господи! Да как же его имя? Совсем вылетело из головы, а ведь только что я его слышал. Пенелопа, милочка, не напомнишь ли, как имя того джентльмена, который жил в Манкфорде, — брат миссис Крофт?

Но миссис Клэй так занята была беседой с мисс Эллиот, что и не расслышала вопроса.

— Понятия не имею, о ком вы толкуете, Шеперд. Ни одного джентльмена не упомяну в Манкфорде со времен старого Трента.

— Господи! Удивительно! Скоро я забуду, как меня самого-то зовут. Я же так хорошо его имя знаю! И в лицо его помню: сто раз видел; однажды явился ко мне за советом, помнится, в обиде на соседа. Человек этого соседа забрался к нему в сад (обвалился забор), воровал яблоки; пойман с поличным; но потом, вопреки моему приговору, поладил с ним полюбовно. Вот уж удивления достойно!

Все немного помолчали, и наконец:

— Вы, полагаю, говорите о мистере Уэнтурте, — сказала Энн.

Мистер Шеперд был преисполнен благодарности.

— Именно, именно Уэнтурт! Он самый. У него в Манкфорде был приход, знаете, сэр Уолтер, тому года два-три. Он туда приехал году примерно в пятом, так, кажется? Вы припоминаете его, смею думать?

— Уэнтуорт? А-а! Мистер Уэнтуорт, манкфордский священник. Вы ввели меня в заблуждение своим «джентльменом». Я решил было, что речь о человеке состоятельном. Мистер Уэнтуорт, помнится, совершенное ничто; без роду, без племени; ничего общего со Стрэффордами. Удивительно, как это наши имена, самые громкие, переходят невесть к кому.

Убедившись, что родственные связи Крофтов не служат им к украшению в глазах сэра Уолтера, мистер Шеперд уже к ним не возвращался; и напротив, со всевозможным пылом прибегнул снова к более непреложным их достоинствам: возраст, состав семьи, богатство; высокое мнение, составленное ими о Киллинч-холле, и горячее их желание иметь счастье там поселиться; из всего явствовало, что ничего не ценят они выше чести быть съемщиками у сэра Уолтера Эллиота; на удивление тонко угадывая притом, какие качества сэр Уолтер почитает необходимыми в съемщике.

Доводы эти, однако ж, имели успех; и хотя всякий, кто намеревался жить в его доме, вызывал неприязнь сэра Уолтера и казался ему несметным богачом, с которого не грех спросить за это счастье самую высокую цену, мистер Шеперд добился наконец от сэра Уолтера согласия вступить в переговоры и был отряжен к задержавшемуся в Тонтоне адмиралу Крофту с тем, чтоб назначить день смотрин.

Сэр Уолтер не был мудрец; но он имел довольно жизненного опыта, чтобы догадаться, что съемщика более желательного по всем статьям, нежели адмирал Крофт, ему не найти. Так подсказывал ему разум; а тщеславие тешилось к тому же прият-

ной мыслью, что положение у адмирала весьма высокое и в то же время не чересчур. «Я сдал дом внаймы адмиралу Крофту» — превосходно звучит; куда лучше, чем просто какому-то мистеру. Просто мистер (кроме, пожалуй, человек десяти во всем королевстве) вечно требует ссылок и разъяснений. Адмирал же сам за себя говорит, но, однако ж, и баронет рядом с ним не теряет. Во всех делах и переговорах за сэром Уолтером Эллиотом всегда останутся преимущества.

Ничего не делалось без согласия Элизабет; но ей и самой уже не терпелось уехать, и она очень обрадовалась, что все решилось и подыскали хорошего съемщика; она ни словом не обмолвилась об отсрочке.

Мистера Шеперда облекли всей полнотою доверия; и столь счастливый исход был достигнут лишь тогда, когда Энн, дотоле чутко внимавшая разговору, вышла из комнаты подставить вольному ветру пылающие щеки. И бредя по любимой своей рощице, она проговорила со вздохом:

— Еще несколько месяцев, и он, может статься, будет тут бродить.

Глава 4

Он — однако же, здесь вовсе не мистер Уэнтуорт, бывший священник в Манкфорде, как могло это показаться, но капитан Фредерик Уэнтуорт, брат его, который участвовал в битве при Сан-Доминго, тогда же произведен в капитаны, но не сразу определен в службу, летом 1806 года оказался в Сомерсетском графстве и, не имея в живых

своих родителей, на полгода обосновался в Манк-форде. В то время был он блистательный молодой человек, прекрасный собою, с высокой душою и умом; а Энн — чрезвычайно хорошенькая девушка, способная чувствовать и наделенная сверх того скромностью, вкусом и благородством. И половины этих совершенств легко достало б, может статься, ибо ему нечего было делать, а ей больше некого любить; но при таких щедротах провиденья исход, само собой разумеется, был предreshен. Постепенно они свели знакомство, а сведя знакомство, почти тотчас и без памяти влюбились. Затруднительно сказать, кто из них больше восхищался другим и кто больше почитал себя счастливым; она ли, когда он объяснился и предложил ей руку, или он, когда она ответила согласием.

Настала пора безоблачных радостей — очень недолгая пора. Сэр Уолтер, когда к нему прибегли, не то чтоб наотрез отказался дать благословение или объявил, что этому не бывать, однако ж отвечал таким удивлением, таким молчанием, такой холодностью, что не оставил дочери ни малейшей надежды. Он счел союз неравным и унижительным; а леди Рассел, хотя ее гордость была более умеренна и более извинительна, тоже опечалилась выбором Энн.

Энн Эллиот, с ее славным именем, красотою, умом, — и в девятнадцать лет погубить себя; в девятнадцать лет связать судьбу с молодым повесой, у которого нет ничего, кроме личных его достоинств, никаких даже видов на состояние, поприще самое неверное, и никаких даже знакомств, чтоб хоть на таком-то поприще продвинуться; нет, это

положительно значит себя погубить; о таком и подумать даже невозможно; Энн Эллиот — такая юная; никто еще не знает ее, и достаться первому встречному, без средств, без связей; да она погубит с ним свою молодость в вечных заботах, тревогах, в унижительной зависимости! Нет, не бывать этому несчастью, если доброе вмешательство дружбы, если представительство той, что любит Энн почти как мать и имеет над нею почти материнские права, сумеют его отвести.

У капитана Уэнтуорта не было состояния. Он был удачен в службе, но, легко тратя то, что легко ему доставалось, он ничего не накопил. Однако ж он не сомневался, что в скором времени разбогатеет; полный огня и рвенья, он знал, что скоро получит он корабль и новое его положение обеспечит ему все, к чему он стремится. Всегда он был счастливцем. Он знал, что счастье и впредь ему не изменит. Самой горячности этого убеждения и живости, с какой он его высказывал, было довольно для Энн; но иначе судила леди Рассел. Веселость его и бесстрашие ничуть ее не восхищали; напротив, они в ее глазах только умножали зло; он казался ей из-за них еще опасней. Умен, остер, упрямец. Живость ума и острословие леди Рассел ставила не бог весть как высоко; зато уж как огня боялась она всякой опрометчивости. Она никак не одобряла этого выбора.

Отпор леди Рассел, продиктованный такими ее чувствами, — это было больше, чем Энн могла снести. Юная и кроткая, все же она б еще могла противиться недоброежелательству отца, хотя сестра не ободрила ее ни единым словом или взглядом. Но

леди Рассел, которую она всегда любила, которой привыкла доверяться, увещевая так неотступно, так нежно, не могла ее не убедить. Она объяснила ей, что помолвка неразумна, никчемна, едва ли обещает благополучный исход и его не стоит. Но, отказывая жениху, Энн руководилась не одной себялюбивой осторожностью. Не вообрази она, что блюдет его благо более собственного, едва ли бы она его прогнала. Мысль о том, что ее самоотречение служит прежде всего к его же пользе, утешала ее во время горького прощанья — прощанья окончательного; а в утешении была у нее большая нужда, ибо ко всему он не верил ей, с ней не соглашался и был горько оскорблен таким решительным отказом. Почти тотчас он уехал.

Всего несколько месяцев длилось их знакомство; но сколько месяцев еще страдала Энн. Сожаленья и тоска омрачали ей все развлечения юности; и она надолго погасла и поникла.

Уже больше семи лет прошло после печальной и достопамятной этой истории; и многое стерло время, быть может, даже почти всю роковую привязанность, — но время оставалось единственным ее лекарем, не было в помощь ему ни перемены мест (исключая поездки в Бат вскоре после разрыва), ни нового, более широкого круга знакомств. Никто из тех, кто появлялся в Киллинче, не выдерживал сравнения с Фредериком Уэнтуртом, каким он оставался в ее памяти. Новое чувство, единственно верное, счастливое и надежное в эту пору жизни средство, было невозможно при возвышенности ее мыслей, при ее взыскательности и узости общества, ее окружавшего. Когда ей было двадцать

два года, ее, правда, просил переменить имя один молодой человек, вскоре встретивший большую готовность в ее же младшей сестрице; и леди Рассел тогда сетовала на ее отказ; ибо Чарлз Мазгроув был старший сын человека, почетом и поместьями уступавшего во всей округе только сэру Уолтеру, а вдобавок мил и недурен собой; и хотя леди Рассел могла желать для Энн и более завидной участи, когда ей было девятнадцать лет, теперь, когда ей было двадцать два, она очень бы хотела, чтобы она могла покинуть отчий кров, достойно удалясь от пристрастия и несправедливости и оставаясь притом навсегда под крылышком у нее, леди Рассел. Но на сей раз Энн обошлась без ее совета. И хотя леди Рассел высшее свое благоразумие полагала в том, что никогда не жалела о прошлом, теперь она начала уже тревожиться и почти не верила, что благодаря кому-нибудь со средствами и умом она увидит Энн наконец в той роли, для которой единственно и предназначена она с ее чувствительным сердцем и домовитостью.

Леди Рассел не знала, однако, главного, чем руководилась в своем поведении Энн, ибо этого пункта они никогда не затрагивали в разговоре. Но Энн в двадцать семь лет думала иначе, чем склонили ее думать в девятнадцать. Она не обижалась на леди Рассел, не казнила и себя за то, что тогда ее послушалась; но зато она знала, что, прибегни теперь к ней самой какая-нибудь юная особа в подобных обстоятельствах, уж она бы ей не присоветовала незамедлительных и верных мук ради неверного будущего блага. Она поняла, что, какими бы невзгодами ни грозила ей холодность род-

ных, какими бы тревогами ни пугало его поприще, какими страхами, тяготами, разочарованиями ни было оно чревато, она была б куда счастливей, если б осталась верна помолвке, а не пожертвовала ею; и все это даже если б ей на долю пришлось обычные заботы, пусть бы и тяжелее обычных; а ведь судьба оказалась куда милостивей, чем заранее представлялась по разумным выкладкам. Все самые пылкие надежды его, все самые смелые расчеты оправдались. Ум его и рвенье словно угадали и проложили его счастливую стезю. Очень скоро после их разлуки он определился; и все, что обещал он ей, все и сбылось. Он отличился, снова был произведен, и теперь, при его удачливости, составил уж, верно, состояние. У нее под рукой были только флотские ведомости и газеты, но она не сомневалась, что фортуна обласкала его; и, веря его постоянству, она думала, что едва ли он женат.

Какой красноречивой могла бы стать теперь Энн Эллиот, по крайней мере, с каким бы жаром умела она защитить первую нежную любовь и радостную веру в будущее против пугливой осторожности, словно бросающей вызов блатому Провиденью! В юности вынудили ее быть благоразумной, в годы более зрелые она сделалась мечтательницей — что так естественно при неестественном начале.

При всех названных обстоятельствах, воспоминаниях и чувствах известие о том, что сестра капитана Уэнтурта, верно, поселится в Киллинче, не могло не вызвать в Энн прежнего волнения; и понадобилось еще много бродить и много вздыхать, чтобы постепенно успокоиться. Долго еще потом повторяла она в душе, что все это безумие и невоз-

можно, пока совсем не овладела собою и не сообразила наконец, что разговоры о Крофтах ничем дурным ей не грозят. Помогло ей, однако, и совершенное безразличие троих ее близких, единственно и посвященных в тайну прошедшего, безразличие до того полное, будто они попросту обо всем позабыли. Она понимала, что леди Рассел в невозмутимости своей руководится соображениями более высокими, нежели отец или Элизабет; она отдавала должное ее добрым чувствам; но чем бы ни вызывалась эта странная забывчивость, важно то, что все трое одинаково ее выказывали; и на тот случай, если адмирал Крофт и вправду поселится в Киллинчхолле, она снова прибегла к мысли, уже не раз служившей ей утешением, что из ее близких прошлое знают лишь трое, и они-то ни единым словом ни о чем не обмолвятся; от него же, надо надеяться, только брат, у которого он тогда гостил, мог слышать о недолгой помолвке. Брат этот давно уехал куда-то, и, будучи человеком благородным, а вдобавок еще неженатым, едва ли он хоть одной живой душе о том проболтался.

Сестры же его, миссис Крофт, тогда не было в Англии, ибо она отправилась с мужем к месту его назначения; а собственная ее сестрица Мэри была в школе, когда все это случилось, и уж потом, из-за чьей-то гордости, а чьей-то деликатности, конечно, ничего так и не узнала.

Рассчитывая на это все, она надеялась, что знакомство ее с Крофтами, к которому, при том что леди Рассел остается в Киллинче и Мэри от него всего в трех милях, надо быть готовой, не повлечет за собой чрезмерных неудобств.

Глава 5

В то утро, когда адмирал с супругой явились, как было условлено, осматривать Киллинг-холл, Энн сочла самым для себя естественным совершить почти ежедневную свою прогулку к леди Рассел, с тем чтоб переждать у нее, покуда все решится; а уж там сочла она самым для себя естественным огорчиться, что упустила случай на них поглядеть.

Встреча сторон прошла как нельзя лучше, и дело сразу же сладилось. Дамы были заранее расположены к соглашению, а следственно, и остались весьма довольны одна другою; что же касается до джентльменов, адмирал вел себя с таким доверием, открытостью и сердечностью, которые не могли не впечатлить сэра Уолтера, выказывавшего, в свою очередь, учтивость самую тонкую, ибо мистер Шеперд заранее уверил его, что адмирал наслышан о безкоризненности его обращения.

Дом, парк, убранство понравились; Крофты понравились; условия, сроки — все, все подходило и было хорошо. И стряпчие мистера Шеперда тотчас засели за работу, хотя им и не пришлось ничего изменять в уже заготовленном «Сим удостоверяется...».

Сэр Уолтер, не колеблясь, объявил адмирала самым красивым из моряков, с какими случалось ему водить знакомство, и уверял даже, что согласись только его собственный куафёр наладить адмиральскую прическу, и с ним бы не стыдно где угодно на люди показаться; адмирал же в простоте души поведал жене, когда они ехали парком обратно: «Я так и знал, мой друг, что мы легко столкнем-

ся, что бы там мне ни говорили про него в Тонтоне. Баронет звезд с неба не хватает, но малый он безобидный». Отзывы, надобно признаться, в равной мере лестные.

Условились, что Крофты переселятся к октябрю, и сэр Уолтер предложил перебраться за месяц до этого, так что времени на необходимые приготовления оставалось немного.

Леди Рассел, зная, что Энн все равно не допустят помогать и не будут слушаться, когда дойдет до выбора дома в Бате, очень бы не хотела такого поспешного ее отъезда и удержала бы ее при себе, чтобы после Рождества самой отвезти в Бат; но собственные дела призывали ее на несколько недель отлучиться из Киллинча, а потому она не могла пригласить Энн на все это время; да и сама Энн, хотя ей и страшна была сентябрьская жара среди слепящего белого Бата и жаль было покидать милые луга и рощи в печальную и сладкую пору осени, все же по зрелом размышлении не хотела задерживаться. Всего верней и разумней ехать со всеми — так меньше будет ей огорчений.

Вскоре, однако, случай изменил ее намерения. Мэри, часто недомогавшая, всегда чутко прислушивавшаяся к своему здоровью и всегда призывавшая Энн, что бы с ней ни произошло, вдруг расхворалась и, предвидя, что недомогание может не пройти у нее во всю осень, попросила, а скорее потребовала, ибо на просьбу это мало было похоже, чтобы Энн явилась к ней в Апперкросс и побыла с нею, пока ей это будет нужно, вместо того чтобы отправляться в Бат.

— Я никак не могу обойтись без Энн, — таковы были доводы Мэри.

И ответ Элизабет был:

— Тогда, разумеется, ей лучше остаться, ведь в Бате она никому не нужна.

Когда тебя пусть и не совсем учтиво, но просят о помощи, это все же приятней, чем если тебя гонят; и Энн, довольная, что ее сочли полезной, что у нее явились новые обязанности, и уж верно не огорченная тем, что исполнять их придется в сельском краю, милом ее сердцу, тотчас согласилась остаться.

Приглашение Мэри избавляло леди Рассел от лишних забот, и тотчас было решено, что Энн не поедет в Бат, покуда леди Рассел не призовет ее туда, а до той поры проживет в Киллинч-лодж и в Апперкроссе.

Все как будто прекрасно улаживалось; но леди Рассел была почти вне себя, когда ей открылся план, согласно которому миссис К्लэй отправлялась в Бат вместе с сэром Уолтером и Элизабет как главная и бесценная помощница последней во всех предстоящих трудах ее. Леди Рассел не постигала, зачем вообще это понадобилось, недоумевала, страшилась, печалилась; а уж унижительность такой меры для Энн, вовсе, оказывается, не нужной там, где миссис К्लэй незаменима, еще усугубляла ее огорчение.

Привыкнув к подобным уколам, сама Энн сделалась к ним нечувствительна, однако не меньше, чем леди Рассел, она сознавала неразумность такого решения. Наблюдая и зная, увы, даже чересчур хорошо характер отца, она опасалась, что новая эта

дружба очень может повлечь последствия, важные для всего семейства. Едва ли сейчас отец ее был близок к такого рода помыслам. Миссис Клэй обладала веснушками, выступающим зубом и толстыми руками, которые он нередко порицал в ее отсутствие; однако она была молода и, конечно, недурна собою, а быстрый ум ее и неутомимая угодливость таили куда большую опасность, чем неверные обольщения внешности.

В этой опасности Энн настолько отдавала себе отчет, что совесть бы ее замучила, не попытайся она раскрыть на все глаза своей сестрице. Она мало верила в успех предприятия, но ей не хотелось, чтобы Элизабет, в случае рокового оборота терявшая куда больше ее самой, могла потом упрекнуть ее в безучастии.

Она и переговорила с Элизабет, но, кажется, лишь оскорбила ее. Элизабет не понимала, как пришла ей в голову фантазия столь нелепая, и, негодуя, уверяла, что каждая из обсуждаемых сторон прекрасно сознает свое положение.

— Миссис Клэй, — сказала она запальчиво, — никогда не забывает своего места; я лучше тебя знаю ее образ мыслей и смею тебя уверить, что на брак она смотрит на редкость благородно и больше, чем кто-нибудь, осуждает всякое неравенство происхождения и богатства. Что же до моего отца, я не постигаю, в чем его, ради нас столь долго вдовевшего, можно теперь заподозрить. Ну, будь еще миссис Клэй блестящая красавица, да, я не вправе была бы ее приближать; ничто, разумеется, не заставило бы отца вступить в союз, столь его принижающий, однако она могла сделаться причиной его

несчастья. Но бедняжка миссис К्लэй, которую не назовешь и хорошенькой, ах, миссис К्लэй, бедняжка, решительно никакой угрозы не представляет. Можно подумать, ты и не слыхивала, как сетует отец на ее злополучия, а ведь пора бы, кажется, наизусть это выучить. Зуб и веснушки. У меня, например, веснушки не вызывают такого отвращения. Я знавала одно лицо, которое несколько веснушек вовсе почти не портили, но отец — непримиримый враг веснушек. Ты, я надеюсь, слышала, как он характеризует веснушки миссис К्लэй.

— Едва ли сыщется такой недостаток внешности, — заметила Энн, — с которым приятное обхождение нас постепенно бы не примирило.

— Я совершенно иного мнения, — объявила Элизабет наотрез. — Приятное обхождение может оттенять прекрасные черты, но не в силах исправить дурные. К тому же все это касается больше всего до моих интересов, а потому, полагаю, и не стоит труда меня поучать.

Энн отступилась; радуясь, что разговор позади, и теща себя надеждой, что предостережения ее не вовсе остались без пользы. Хоть они и оскорбили Элизабет, но, быть может, сделают ее осмотрительней.

Четверка коней сэра Уолтера служила ему последнюю службу, увозя его, мисс Эллиот и миссис К्लэй в Бат. Компания пускалась в путь в самом веселом расположении духа; сэр Уолтер еще готовил величавые поклоны для всех скорбящих крестьян и арендаторов, которые вздумают явиться на прощанье, а Энн, со спокойствием отчаяния, уже брела

в Киллинч-лодж, где надлежало ей провести первую неделю.

Леди Рассел печалилась не меньше своего юного друга. Она болезненно переживала отъезд семейства. О чести их она пеклась не менее, чем о своей собственной, а ежедневные встречи сделались милой ее сердцу необходимой привычкой. Тяжело ей было смотреть на опустелые уголья, а еще тяжелее воображать тех, кому теперь они достанутся; и вот, чтобы не видеть грустных покинутых полей и не встретиться с адмиралом и его супругой, когда они нагрянут, она решила ехать в Бат тотчас, как придется расстаться с Энн. И они отправились вместе, и Энн осталась в Апперкроссе, в самом начале пути следования леди Рассел.

Апперкросс был поместье средней руки, где всего несколько лет назад, по обычаю английской старины, лишь две постройки отличались от жилищ крестьян и арендаторов; господский дом под сенью вековых деревьев, в саду, обнесенном высоким забором с большими воротами, крепкий и чуждый поветриям моды, и прочный дом приходского священника с особым уединенным садом, где груши и виноград подступали под самые окна; но после женитьбы молодого барина ему отвели арендаторский дом, преобразовав и возведя в сан виллы, и с той поры Вилла Апперкросс своими верандами, стеклянными дверями и тому подобными прелестями так же точно могла притязать на внимание проезжающего, как и более основательный и солидный Большой Дом, отстоящий от нее на четверть мили.